

Гость «Домашнего собеседника» певица Жанна Агузарова —

Сов. Россия — 1988 — 10 окт

На сцене и в жизни

Время приближалось к семи вечера. У Жанны рабочий день был в самом разгаре. В студии надрывались телефоны, постоянно кто-то звонил в дверь. Дверь, где шла запись новой песни, не открывалась. И оттуда слышался уверенный звонкий Жаннин голос:

— Сережка, раскрепостись! Пойми, все, что ты поешь, — ты поешь о себе. Значит, пой так, как чувствуешь. Ну, давай еще раз — раскованно, смело! ...Наконец она вышла. Маленького роста. Брюки по колено, типа бридж, только очень расширенные в бедрах, сапоги, отороченные бахромой, мужская черная куртка. Черные очки. Стрижка — почти ежик.

— Вопрос первый. Жанна, ты создаешь на сцене образ эдакой «девочки-браво»...

— ...Образ? Да что ты! Я не создаю никаких образов. Просто я есть я.

— Значит, артист вполне может обойтись без артистизма — просто быть самим собой на сцене и все?

— Много непосредственных и даже интересных людей вокруг, но это не значит, что выйдут они на сцену и все будет очень хорошо. Чтобы завладеть залом, нужен талант. То, что ты несешь в себе, то, что в тебе есть, — надо уметь раскрыть на глазах сотен людей. Я себя раскрываю, как могу. А насколько талантливо — судить не мне.

— Какие качества ты больше всего ценишь в людях?

— Доброту. И внутреннее здоровье. Я очень хочу, чтобы люди были внутренне здоровы, раскрепощены, свободны в выражении лучших чувств — доброты, любви, сопереживания.

— Твоя искренность, непосредственность и непохожесть ни на кого на сцене подкупают. Люди улыбаются. Но это на сцене. А в жизни, я заметила, ты нередко бываешь капризной, вызывающе требовательной, а прямота твоя смахивает даже на бестантность...

— Печально, если я произвожу такое впечатление. Внутренне здоровый человек, конечно, прежде всего уважает окружающих. И я уважаю. И именно поэтому говорю с людьми откровенно, прямо, без обиняков, то, что вижу, то, что думаю сейчас. Мне кажется, неуважением было бы вести себя иначе. Не откровенность должна оскорблять, а ложь. Что же касается формы поведения, то, мне кажется, главное быть человеком по сути.

— Жанна, ты приехала в Москву поступать в театральный институт — не поступила. Чтобы еще на год задержаться в Москве и готовиться поступать снова, пошла в малерное училище. Потом тебе повезло — ты встретила талантливых, ищущих ребят, создалась группа «Браво», ты стала петь. Эстрадную песню ты воспринимаешь как свое призвание или лишь как определенный этап, момент жизни?

— Эстрада, безусловно, мое приз-

вание. Но вполне может сложиться так, что это будет лишь моментом. Хорошим моментом, любимым. Самым лучшим. Впрочем, все, что в моей жизни происходит, я принимаю и ни от него не отказалась бы.

— А малерное ПТУ — тоже любимый момент?

— И это тоже! Если бы я тогда поступила в театральный, наверное, не было бы ничего того, чем я обладаю сейчас. Я не встретила бы Женю Хавтана, не было бы группы «Браво»...

Вообще, знаете, в жизни, конечно, бывают трудности, которые тяжело переносятся физически или морально. Есть такие, которые и вовсе невозможно переносить: я не имею в виду какой-то комфорт, жизненные блага. Я о другом, о чем пел Высоцкий: «Когда я вижу сломанные крылья, нет жалости во мне, и неспроста. Я не люблю насилие и бессилья...» Я тоже.

— Жанна, думаю, читателям интересно узнать, в какой семье ты росла, в какой обстановке?

— Среди простых людей, тружеников, сибиряков. В селе. Ходила за водой с коромыслом через плечо. Отца у меня не было. Меня воспитывали мать с бабушкой.

— Как ты относишься к тому, что тебя зрители либо принимают «на ура», либо отвергают напрочь? Тебе бы хотелось нравиться всем?

— Как всякой девушке, мне бы хо-

телось нравиться всем... мужчинам без исключения. Но если я буду нравиться и женщинам — тоже неплохо.

— А самой себе ты нравишься?

Жанна подошла к зеркалу, внимательно в него взгляделась, по-девичьи повернулась несколько раз перед ним:

— Нравлюсь. Иногда очень. Мне нравится мой стиль и вообще... — она засмеялась. Очень довольная и восторгом, и ответом.

— Кого ты можешь назвать своим другом?

— Другом?.. Человека, которому могу сказать: «Друг мой»... и дальше все, что угодно — самое задушевное и самое важное, и самое больное.

— А какую музыку ты любишь?

— О, я люблю много самой разной музыки. Люблю классику, особенно Чайковского. Национальные мелодии. Это просто богатство. Из них можно черпать и черпать. И не так, как вы, наверное, додумали — брать и перепирать! Нет, музыка будит кровь. А во мне, например, столько кровей перемешано. Поэтому вдруг — раз — и проснется во мне татарская женщина, раз — и русская, раз — и азербайджанская. А если они вдруг все вместе проснутся — такое могут внутри меня устроить!

Жанна рассмеялась.

— Представь: все, кто будет читать это интервью, — твой большой зрительный зал. Что бы ты хотела сказать этому залу?

— Я недавно была в Италии на гастролях. Там есть собор Святого Ангела, в котором при входе висит объявление: «Девушки и юноши итальянского происхождения, не достигшие 18 лет, проходят бесплатно». У нас денег очень мало было, и я подошла к самому главному дяде там — директору музея — и говорю: «Знаешь что, мне 17 лет, ты меня пропусти». Этот дядя спрашивает: «А откуда ты?» Я отвечаю: «С Марса, но могу быть итальянкой в этом музее». Он улынулся: «Хорошо, пойдем». И повел. С этого собора великолепный вид Рима. Мы сфотографировались там. А когда нас директор провожал, он умилялся все и вдруг говорит: «Слушай, ты мне так понравилась. Я тебе сейчас дам книжку — тут разные президенты расписывались, Маргарет Тэтчер, например, недавно. Напиши и ты что-нибудь тоже».

И я написала по-русски: «Самое главное в жизни для всех времен и народов — это вера, надежда, любовь». Это же я скажу и нашему с вами зрительному залу...

С гостьей беседовала
Л. МИХАЙЛОВА.